

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ.....	5
Часть вторая. МАРКАНТОНИО	48
Часть третья. АЛИКС.....	101
Часть четвертая. АСТРИ-ЛЮС И КАРДИНАЛ ...	157
Часть пятая. СУМЕРКИ БОГОВ.....	202
Примечания	218

Часть первая

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Поезд, которым я впервые в жизни приехал в Рим, был переполнен, промозгл и к тому же запаздывал. Несколько раз он неведомо почему застревал в открытом поле, так что к полуночи мы еще тащились, пересекая Кампанию и медленно приближаясь к висевшим над Римом слегка подцвеченным облакам. Порой поезд останавливался у платформы, и неровный свет фонарей озарял на мгновение какую-нибудь величавую, словно самой природой обтесанную голову какого-нибудь прохожего. Тьма окружала эти платформы, и лишь временами проступали в ней кусок дороги или смутные очертания горной гряды. То была земля Вергилия, и казалось, что ветер, поднимаясь с полей, опадает на нас с долгим вергилиевским вздохом, ибо места, вдохновившие чувства поэта, неизменно впитывают чувства, ими рожденные.

Переполненным же поезд был потому, что днем раньше кто-то из туристов унюхал исходящий от неаполитанских нищих запах карболки. Туристы

немедленно заключили, что власти, по-видимому, обнаружили один или два случая заболевания индийской холерой и, напуганные ими, принялись дезинфицировать городское дно, подвергая его обитателей насильственному купанию. Сам воздух Неаполя рождает легенды. Грянувший внезапно исход мгновенно привел к тому, что купить билеты на Рим стало практически невозможно, и потому туристы, привыкшие к первому классу, ехали третьим, между тем как в первом обнаружили люди весьма необычные.

В вагоне было холодно. Мы сидели не сняв пальто, с глазами, остекленевшими у кого от смирения, у кого от досады. В одно из купе набились представители расы, путешествующей более прочих, но гораздо менее получающей радости от путешествий, здесь велись бесконечные разговоры о дурных гостиницах, о дамах, которым приходится, садясь, туго оборачивать юбки вокруг лодыжек, дабы воспрепятствовать восхождению блох. Напротив сидела, развалясь, троица итальянцев, возвращавшихся из Америки домой, в какую-то апеннинскую деревушку, после двадцати лет, отданных торговле фруктами и драгоценностями в верхней части Бродвея. Все свои сбережения они вложили в украшавшие их пальцы яркие бриллианты — столь же ярко сияли их глаза в предвкушении встречи с семьей. Легко было вообразить, с каким недоумением станут взирать на них роди-

тели, неспособные постичь перемен, лишивших детей обаяния, коим земля Италии награждает и самых скромных своих сыновей, и замечающие только, что дети вернулись раздобревшими, говорящими на каком-то варварском наречии и навсегда утратившими присущую их народу хитроумную психологическую интуицию. Возвращавшихся ожидало несколько бессонных ночей, которые им предстояло провести в душевной смуте под соломенной крышей родного дома, среди бормочущих во сне кур.

Еще в одном купе сидела, прислонясь щекой к подрагивающему стеклу, укутанная в серебристые соболя искательница приключений. Напротив обосновалась матрона, с вызовом вперившаяся в нее неотрывными сверкающими глазами, готовая в любой миг перехватить и пресечь взгляд, который девушке вздумается бросить на ее, матроны, дремлющего мужа. По коридору в надежде на этот же взгляд с самодовольным видом то прохаживались туда-сюда, то застывали, прислоняясь к стене, два армейских офицера, напоминая восхитительно описанных Фабром насекомых, впустую исполняющих ритуал ухаживания перед камушком, просто потому, что пришли в движение некие ассоциативные механизмы.

Были здесь и иезуит с учениками, коротавшие время за латинской беседой; и японский дипломат, погрузившийся в благоговейные размышления над

коллекцией марок; и русский скульптор, мрачно вникавший в устройство наших черепов; и несколько студентов из Оксфорда, старательно приодевшихся для пешей прогулки, но почему-то пересекавших поездом местность, лучше которой пешеходу в Италии не найти; и всегдашняя старушка с курицей; и всегдашний молодой американец, с любопытством озирающийся по сторонам. Такого рода компании Рим принимает в себя по десяти раз на дню — и все равно остается Римом.

Мой спутник сидел, читая потрепанный номер лондонской «Таймс» — сообщения о продаже недвижимости, о новых назначениях в армии и обо всем на свете. После шести лет, проведенных в Гарварде за изучением античного мира, Джеймс Блэр отправился на Сицилию в качестве археологического консультанта съемочной группы, вознамерившейся перенести на экран основные мотивы греческой мифологии. Затея эта провалилась, съемочная группа распалась, а Блэр потом долго еще бродил по берегам Средиземного моря, пробавляясь случайными заработками и заполняя объемистые блокноты наблюдениями и теориями. Его распирали идеи — относительно химического состава красок, которыми писал Рафаэль; касательно освещения, необходимого, по представлениям античных ваятелей, для созерцания их скульптур; по поводу датировки наиболее неприметных мозаик церкви Санта-Мария-Маджоре. Он разрешил

мне записать и эти, и многие иные из своих гипотез и даже скопировать цветными чернилами некоторые чертежи. В случае если он вместе с блокнотами сгинет в океанских волнах — что представлялось вполне вероятным, ибо Блэр из бережливости отправлялся через Атлантику на каком-то невразумительном судне из тех, о которых, даже когда они тонут, не пишут в газетах, — печальный мой долг состоял в том, чтобы преподнести эти материалы в дар Хранителю Библиотеки Гарвардского университета, где они при всей их неудобочитаемости могут быть сочтены бесценными.

В конце концов отложив газету, Блэр разговаривал со мной:

— Хотя вы и едете в Рим учиться, но, может быть, прежде чем засесть за древних римлян, стоит полюбопытствовать, не найдется ли и среди современников интересных людей.

— За современников мне докторской степени не дадут. Пусть ими занимаются наши потомки. А вы кого из них имеете в виду?

— Вам приходилось когда-нибудь слышать о так называемой Каббале?

— О которой?

— О своего рода сообществе людей, живущих в окрестностях Рима.

— Нет.

— Это очень богатые и влиятельные люди. Их все боятся. И все подозревают в заговоре, имею-

шем целью ниспровергнуть существующие порядки.

— Политические?

— Нет, не совсем. Разве что отчасти.

— Люди из высшего света?

— Да, конечно. Но дело не только в этом. Они к тому же жуткие интеллектуальные снобы. Мадам Агоропулос боится их до того, что я вам описать не могу. Уверяет, будто они время от времени приезжают из Тиволи и затевают интриги, пытаются протащить через сенат какой-то законопроект, или добиться определенного назначения в церкви, или просто вытурить из Рима какую-нибудь несчастную женщину.

— Те-те-те!

— И все потому, что им скучно. Мадам Агоропулос говорит, что их томит смертельная скука. У них есть все, и есть уже очень давно. Главное же в них — ненависть ко всему современному. Они коротают время, обмениваясь колкостями по адресу новых титулов, новых состояний и новых идей. Во многих отношениях это люди Средневековья, что сказывается даже в их облике. И в их образе мыслей. Я это так себе представляю: вы, наверное, слышали о том, что ученые обнаружили в Австралии области, где животные и растения перестали эволюционировать много веков назад? Что-то вроде ниши допотопных времен посреди мира, ушедшего далеко вперед. Ну вот, должно быть, нечто похожее слу-

чилося и с Каббалой. Это компания людей, преследуемых призраками представлений, из которых весь остальной мир уже несколько столетий как вырос: что-нибудь о преимущественном праве одной герцогини проходить в дверь впереди другой, о порядке слов в одном из догматов церкви, о божественном праве государей, в особенности Бурбонов. Они серьезно и страстно относятся к вещам, которые всем прочим кажутся непонятными и устаревшими. Но что самое важное, эти люди, ни за что не желающие расстаться с подобными представлениями, вовсе не отшельники или чудаки, на которых можно не обращать внимания, — напротив, они составляют тесный круг, столь могущественный и недоступный, что жители Рима если и говорят о них, то вполголоса, и называют при этом «Каббалой». Они, позвольте вас уверить, действуют с невиданной изощренностью и располагают несметными богатствами и множеством верных сторонников. Цитирую мадам Агоропулос, которая питает по отношению к ним что-то вроде истерической боязни и считает их сверхъестественными существами.

— Но она, надо думать, лично знакома с кем-то из них?

— Конечно, знакома. Как, впрочем, и я.

— Людей знакомых обычно не очень боятся.

И кто же в это сообщество входит?

— Я вас завтра возьму с собой, познакомлю с одной из них, с мисс Грие. Она стоит во главе

всей этой многонациональной компании. Мне довелось составлять каталог ее библиотеки — просто не было другой возможности с ней познакомиться. Я жил у нее во дворце Барберини и понемногу приглядывался к Каббале. Помимо нее туда входит кардинал. И княгиня д'Эсполи, у которой не все дома. Затем еще мадам Бернштейн из семьи немецких банкиров. Каждый из этих людей обладает неким замечательным даром, а все вместе они стоят неизмеримо выше ближайшего к ним слоя общества. Они такие удивительные, что пребывают в одиночестве, это тоже цитата. Поэтому они засели в Тиволи и утешаются как могут совершенствами друг друга.

— А сами они называют себя Каббалой? Есть у них какая-либо организация?

— Насколько я понимаю, нет. Вероятно, им даже в голову никогда не приходило, что они составляют сообщество. Я же вам говорю, займитесь их изучением. Вынюхаете все их секреты. Я-то для этого не очень гожусь.

Последовала пауза, и в наше сознание, до сей поры занятое полубожественными персонажами, начали понемногу проникать обрывки разговоров, происходивших в разных концах вагона.

— У меня нет ни малейшего желания ссориться, Хильда, — вполголоса говорила одна из англичанок. — Разумеется, ты старалась подготовить поездку как можно лучше. Я всего лишь сказала, что

служанка не желала каждое утро мыть раковину умывальника. Приходилось звонить и звонить, чтобы она пришла.

А со стороны американских итальянцев слышалось:

— А я говорить, что это не твоего чертова ума дела. Вот что я говорить. И убери отсюда к черту твою чертову рубашку. Сказал тебе, он удрал; он удрал так быстро, что от него даже пыли не видно, вот как он удрал.

Иезуит с учениками проявили вежливый интерес к почтовым маркам, и японский атташе негромко рассказывал им:

— О, это чрезвычайная редкость! Цена — четыре цента — напечатана бледно-лиловой краской, а на просвет видны водяные знаки, изображающие морского конька. В мире существует только семь экземпляров, и три из них в коллекции барона Ротшильда.

Вслушиваясь в звучание всего оркестра сразу, можно было узнать, что сахара в него не клали, что она три утра подряд повторяла Мариэтте, чтобы та либо клала в него сахар, либо ставила сахарницу на стол, но хотя Республика Гватемала немедленно прекратила их выпуск, все же несколько штук уплыло к коллекционерам, и это при том, что на углу Бродвея и Сто двадцать шестой улицы каждый год продают такую кучу канталуп, какой человек и вообразить не способен. Быть может, именно